

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

2019-2020 уч. год

11 класс

Для участника олимпиады

Время выполнения работы – 5 часов (300 минут).

Работа включает в себя два задания: аналитическое и творческое.

Максимальное количество баллов – 100.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на Ваш выбор).

Текст 1

Выполните целостный анализ рассказа В.В. Набокова «Рождество». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанровые особенности сюжета (как формируется его событийный ряд? насколько важны в нем действия героев?), средства художественной выразительности и символы, используемые в тексте; раскройте символическое значение отрезка времени, когда происходят события рассказа, значимые смысловые оттенки заглавия, символическое значение фамилии главного героя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Набоков

РОЖДЕСТВО

I

Вернувшись по вечеряющим снегам из села в свою мызу, Слепцов сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором он не сживал никогда. Так бывает после больших несчастий. Не брат родной, а случайный неприметный знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подаёт обронённую шляпу, – когда всё кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез. С мебелью – то же самое. Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов.

Флигель соединён был деревянной галереей – теперь загроможденной сугробом – с главным домом, где жили летом. Незачем было будить, согреть его, хозяин приехал из Петербурга всего на несколько дней и поселился в смежном флигеле, где белые изразцовые печки истопить – дело легкое.

В углу, на плюшевом стуле, хозяин сидел, словно в приемной у доктора. Комната плавала во тьме, в окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синел ранний вечер. Иван, тихий, тучный слуга, недавно сбивший себе усы, внёс заправленную, керосиновым огнем

налитую, лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на неё шелковую клетку: розовый абажур. На мгновение в наклоненном зеркале отразилось его освещённое ухо и седой ёж. Потом он вышел, мягко скрипнув дверью.

Тогда Слепцов поднял руку с колена, медленно на неё посмотрел. Между пальцев к тонкой складке кожи прилипла застывшая капля воска. Он растопырил пальцы, белая чешуйка треснула.

II

Когда на следующее утро, после ночи, прошедшей в мелких нелепых снах, вовсе не относившихся к его горю, Слепцов вышел на холодную веранду, так весело выстрелила под ногой половица, и на белёную лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стекол. Дверь поддалась не сразу, затем сладко хряснула, и в лицо ударил блистательный мороз. Песком, будто рыжей корицей, усыпан был ледок, облепивший ступени крыльца, а с выступа крыши, остриями вниз, свисали толстые сосули, сквозящие зеленоватой синевой. Сугробы подступали к самым окнам флигеля, плотно держали в морозных тисках оглушённое деревянное строенье. Перед крыльцом чуть вздувались над гладким снегом белые купола клумб, а дальше сиял высокий парк, где каждый чёрный сучок окаймлён был серебром, и елки поджимали зелёные лапы под пухлым и сверкающим грузом.

Слепцов, в высоких валенках, в полушубке с каракулевым воротником, тихо зашагал по прямой, единственной расчищенной тропе в эту слепительную глубину. Он удивлялся, что ещё жив, что может чувствовать, как блестит снег, как ноют от мороза передние зубы. Он заметил даже, что оснеженный куст похож на застывший фонтан, и что на склоне сугроба – песьи следы, шафранные пятна, прожегшие наст. Немного дальше торчали столбы мостика, и тут Слепцов остановился. Горько, гневно столкнулся с перил толстый пушистый слой. Он сразу вспомнил, каким был этот мост летом. По склизким доскам, усеянным серёжками, проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила. Вот он увидел отца. Неповторимым смехом играет лицо под загнутым краем потемневшей от солнца соломенной шляпы, рука теребит цепочку и кожаный кошелек на широком поясе, весело расставлены милые, гладкие, коричневые ноги в коротких саржевых штанах, в промокших сандалиях. Совсем недавно, в Петербурге, – радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, – он умер, и вчера Слепцов перевёз тяжелый, словно всю жизнь наполненный гроб, в деревню, в маленький белокаменный склеп близ сельской церкви.

Было тихо, как бывает тихо только в погожий, морозный день. Слепцов, высоко подняв ногу, свернул с тропы и, оставляя за собой в снегу синие ямы, пробрался между стволов удивительно светлых деревьев к тому месту, где парк обрывался к реке. Далеко внизу, на белой глади, у проруби, горели вырезанные льды, а на том берегу, над снежными крышами изб, поднимались тихо и прямо розоватые струи дыма. Слепцов снял каракулевый колпак, прислонился к стволу. Где-то очень далеко кололи дрова, – каждый удар звонко отпрыгивал в небо, – а над белыми крышами придавленных изб, за лёгким серебряным туманом деревьев, слепо сиял церковный крест.

III

После обеда он поехал туда, – в старых санях с высокой прямой спинкой. На морозе туго хлопала селезёнка вороного мерина, белые веера проплывали над самой шапкой, и спереди серебряной голубизной лоснились колеи. Приехав, он просидел около часу у могильной ограды, положив тяжелую руку в шерстяной перчатке на обжигающий сквозь шерсть чугун, и вернулся домой с чувством легкого разочарования, словно там, на погосте, он был ещё дальше от сына, чем здесь, где под снегом хранились летние неисчислимыи следы его быстрых сандалий.

Вечером, сурово затосковав, он велел отпереть большой дом. Когда дверь с тяжёлым рыданием раскрылась и пахло каким-то особенным, незимним холодком из гулких железных сеней, Слепцов взял из рук сторожа лампу с жестяным рефлектором и вошёл в дом один. Паркетные, полы тревожно затрещали под его шагами. Комната за комнатой заполнялись жёлтым светом; мебель в саванах казалась незнакомой; вместо люстры висел с потолка незвонящий мешок, – и громадная тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене, по серым квадратам занавешенных картин.

Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя всё равно за окном была уже ночь. В темно-синем стекле загорелось жёлтое пламя – чуть коптящая лампа, – и скользнуло его большое бородатое лицо.

Он сел у голого письменного стола, строго, исподлобья, оглядел бледные в синеватых розах стены, узкий шкаф вроде конторского, с выдвигаемыми ящиками снизу доверху, диван и кресла в чехлах, – и вдруг, уронив голову на стол, страстно и шумно затрясся, прижимая то губы, то мокрую щеку к холодному пыльному дереву и цепляясь руками за крайние углы.

В столе он нашёл тетради, расправилки, коробку из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом, стоившим три рубля. О нём сын вспоминал, когда болел, жалел, что оставил, но утешал себя тем, что куколка в нём, вероятно, мёртвая. Нашел он и порванный сачок – кисейный мешок на складном обруче, и от кисеи ещё пахло летом, травяным зноем.

Потом, горбясь, всхлипывая всем корпусом, он принялся выдвигать один за другим стеклянные ящики шкафа. При тусклом свете лампы шёлком отливали под стеклом ровные ряды бабочек. Тут, в этой комнате, вон на этом столе, сын расправлял свою поимку, пробивал мохнатую спинку чёрной булавкой, втыкал бабочку в пробковую щель меж раздвижных дощечек, распластывал, закреплял полосами бумаги еще свежие, мягкие крылья. Теперь они давно высохли – нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в чёрных крапинках, с перламутровым исподом, и сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением.

IV

Ночь была сизая, лунная; тонкие тучи, как совиные перья, рассыпались по небу, но

не касались легкой ледяной луны. Деревья – груды серого инея – отбрасывали чёрную тень на сугробы, загоравшиеся там и сям металлической искрой. Во флигеле, в жарко натопленной плюшевой гостиной, Иван поставил на стол аршинную елку в глиняном горшке и как раз подвязывал к её крестообразной макушке свечу, – когда Слепцов, озябший, заплаканный, с пятнами темной пыли, приставшей к щеке, пришёл из большого дома, неся деревянный ящик под мышкой. Увидя на столе ёлку, он спросил рассеянно, думая о своем: – Зачем это?

Иван, освобождая его от ящика, низким круглым голосом ответил: – Праздничек завтра.

– Не надо, убери... – поморщился Слепцов, и сам подумал: "Неужто сегодня Сочельник? Как это я забыл?" Иван мягко настаивал: – Зелёная. Пускай постоит..

– Пожалуйста, убери, – повторил Слепцов и нагнулся над принесённым ящиком. В нём он собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь. Первый лист тетради был наполовину вырван, на торчавшем клочке осталась часть французской диктовки. Дальше шла запись по дням, названия пойманных бабочек и Другие заметы: "Ходил по болоту до Боровичей...", "Сегодня идёт дождь, играл в шашки с папой, потом читал скучнейшую "Фрегат Палладу", "Чудный жаркий день. Вечером ездил на велосипеде. В глаз попала мошка. Проезжал, нарочно два раза, мимо её дачи, но её не видел..."

Слепцов поднял голову, проглотил что-то – горячее, огромное. О ком это сын пишет?

"Ездил, как всегда, на велосипеде", стояло дальше. "Мы почти переглянулись. Моя прелесть, моя радость..."

– Это невысказано, – прошептал Слепцов, – я ведь никогда не узнаю...

Он опять наклонился, жадно разбирая детский почерк, поднимающийся, заворачивающий на полях.

"Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень. Вечером шёл дождь. Она, вероятно, уехала, а я с нею так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую..."

"Он ничего не говорил мне..." – вспоминал Слепцов, потирая ладонью лоб.

А на последней странице был рисунок пером: слон – как видишь его сзади, – две толстые тумбы, углы ушей и хвостик,

Слепцов встал. Затряс головой, удерживая приступ страшных сухих рыданий.

– Я больше не могу... – простонал он, растягивая слова, и повторил ещё протяжнее: – не – могу – больше...

"Завтра Рождество, – скороговоркой пронеслось у него в голове. – А я умру. Конечно. Это так просто. Сегодня же..."

Он вытащил платок, вытер глаза, бороду, щёки. На платке остались темные полосы.

– ...Смерть, – тихо сказал Слепцов, как бы кончая длинное предложение.

Тикали часы. На синем стекле окна теснились узоры мороза. Открытая тетрадь

сияла на столе, рядом сквозила светом кисея сачка, блестел жестяной угол коробки. Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишённая чудес...

И в то же мгновение щёлкнуло что-то – тонкий звук – как будто лопнула натянутая резина. Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, а по стене, над столом, быстро ползет вверх чёрное сморщенное существо величиной с мышь. Оно остановилось, вцепившись шестью чёрными мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать. Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенёс жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугий шёлк кокона проникло тепло, оно так долго ожидало этого, так напряжённо набиралось сил и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепи, наливаясь воздухом, веерные жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным мужающее лицо. И крылья – ещё слабые, ещё влажные – всё продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им Богом, – и на стене уже была – вместо комочка, вместо чёрной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея.

И тогда простёртые крылья, загнутые на концах, тёмно-бархатные, с четырьмя слюдяными оконцами, вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья.

Текст 2

Выполните целостный анализ стихотворения Т. Синицына. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): тематический и образный строй стихотворения (какие классические сюжеты и образы переосмысливаются Т. Синицыным? какие образы получают символическое значение?); раскройте роль приёма антитезы в стихотворении. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Тихон Синицын

***

Мозаики подземной Византии

Под куполом Московского метро.

Гигантские советские святые

Рассеивают медь и серебро.

В подземном небе метрополитена

Суровые имперские гербы

Вмонтированы в мраморные стены.

В текстурах камня — линии судьбы.

В прохладных криптах Нового Царьграда
Стремительно мелькают поезда.
Сбегают в подземелье колоннады.
Мерцает смальта. Светится слюда.
С айфоном замирает Эвридика.
Орфей грустит с гитарой вдалеке.
И торопливо дворники-таджики
Воркуют на персидском языке.

Количество баллов – 70

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что Вам предстоит стать автором-составителем печатной хрестоматии (или интернет-издания) поэтов Серебряного века для школьников.

Какие тексты Вы бы в неё включили? Какие комментарии и почему Вы бы сделали к текстам, вошедшим в Вашу хрестоматию (помните, что можно не только комментировать непонятные слова и выражения, но и отмечать переключки с другими памятными Вам текстами, сопоставление с которыми может помочь понять смысл стихотворения)?

Запишите авторов и названия стихотворений (всего **5-7** произведений). Выпишите и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы.

Приведите примеры комментариев (не меньше **5**).

Напишите небольшую вступительную заметку «*От составителя*» к хрестоматии в целом, в которой объясните актуальность издания, обоснуйте выбор текстов и необходимость комментариев к ним.

Количество баллов – 30